

ЭЛЕМЕНТЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФОРМА ДОСУГА СТУДЕНТОВ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

А. Б. ГУЛАРЯН,

доцент кафедры философии и истории

ФГБОУ ВПО «Орловский государственный аграрный университет»

(г. Орел, Россия)

11 февраля 1904 года помощник пристава города Ливен Орлов получил анонимный донос, что вечером в доме купчихи Сорокиной на Соборной улице будут печататься нелегальные листовки. Орлов проверил донос и арестовал с поличным Т. И. Сорокина, Ш. З. Ландау, И. С. Булавина и С. Щеглова. Все арестованные молодые люди оказались студентами различных высших учебных заведений Москвы и Петербурга, приехавшими в родной город на каникулы. Для тихого провинциального города Ливен этот случай стал сенсацией, всколыхнувшей местное общество.

Для исследователей этот случай интересен тем, что кроме полицейских документов существуют свидетельства самих революционеров, рисующие перипетии описываемого события. Это письмо без подписи, отправленное почтовым вагоном № 196 («Верховье-Мармыжи») 19 февраля 1904 года в Москву студенту сельскохозяйственного института И. И. Гревцеву. Письмо было задержано на Московском почтамте, перлюстрировано в «черном кабинете», и его текст был передан в Особый отдел департамента полиции. Сразу бросается в глаза одна мелкая деталь: в жандармском делопроизводстве полученный текст обозначен как «химический», то есть написанный симпатическими чернилами. Следовательно, чтобы его раскрыть, одного поверхностного осмотра письма было недостаточно. По-видимому, фамилия И. И. Гревцева была внесена в черный список Особого отдела департамента полиции, включавший в себя более тысячи адресатов, письма которых должны были просматриваться. Либо следует предположить, что у жандармов была агентурная информация, какому адресату было отправлено очень интересное для них письмо.

Письмо рисует под неожиданным углом социокультурные установки, которыми руководствовались арестованные студенты в своей противоправительственной деятельности: «Дело было так. В 11,5 вечером, когда народ собрался в комнате Анны Ивановны печатать прокламации к учащейся молодежи (эта прокламация печаталась из «Рево-

люционной России» и имела три печатных листа – на гектографе, конечно), вдруг вошла полиция, и народ был накрыт на месте преступления. Насколько появление полиции было неожиданным, можно видеть из следующих фактов. Когда по коридору шел Орлов-полицеймейстер, то кто-то из присутствующих сказал, смеясь: «Вот идет полиция» – желая погугать Булаву. Тогда Орлов-п. из коридора отвечал: «Да, полиция». Но на его ответ никто не обратил внимания, думая, что кто-нибудь смеется. Когда Орлов-п. подошел к двери, то его свободно впустили, думая, что это пришел кто-нибудь из отсутствующих. Только тогда, когда в дверях показалась серая шинель, все поняли, в чем дело, и остолбенели».

Судя по всему, автором письма является неизвестный молодой человек (девушка описала бы все происшедшее гораздо эмоциональнее и менее отстраненно), близкий к арестованным, и, судя по тексту, имеющий информацию из первых рук.

Бросается в глаза, что очень неприятное и серьезное для революционеров событие – арест – описан в весьма ироничном тоне. Обстановка, нарисованная автором письма, почти комична. Он просто подтрунивает над горе-подпольщиками. Герои повествования собираются группой, чтобы отпечатать на гектографе листовки. Обычно подобная работа выполнялась одним, максимум двумя людьми в обстановке абсолютной секретности. Например, когда известный орловский социал-демократ Б. С. Перес (в движении с 1893 года, после II съезда РСДРП меньшевик) готовил на квартире сочувствовавшего революционерам адвоката Н. С. Каринского основу для мимеографа, он говорил всем, что взял дополнительную работу, после чего запирался на ключ и в полном одиночестве печатал основу на бумаге-восковке. После изготовления основы он добросовестно протирал пишущую машинку хозяина спиртом. Из-за этого среди прислуги Каринского пошел слух, что секретарь адвоката запирается не работать, а пьянствовать. Но это как нельзя больше устраивало и самого Б. С. Переса, и Н. С. Каринского, которые по мере сил поддер-

живали этот слух. В Ливнах же присутствующие с самого начала вели себя несерьезно, подшучивали друг над другом и над самой возможностью ареста. Появление полицейского чина явилось для них большой неожиданностью. Это нисколько не напоминает революционно-патетические сцены жандармских арестов, известные нам по мемуарной литературе или по советским художественным фильмам.

Может быть, ирония автора объясняется просто: он сам считает себя профессиональным революционером, а героев своего письма – романтиками-дилетантами. Отсюда снисходительное к ним отношение. Это допущение как бы подтверждается тем обстоятельством, что спустя некоторое время уголовное преследование в отношении И. Булавина, С. Щеглова, Ш. Ландау, Т. Сорокина, В. Виноградова, Х. Шуэль, С. Шуэль и Г. Рубина, привлеченных к дознанию по делу о печатании листовок, было прекращено. Но профессиональный революционер не стал бы описывать оскандалившихся дилетантов в своей корреспонденции, к тому же симпатическими чернилами. Значит, несмотря на иронию, описанный случай представлялся автору письма очень важным. Тогда возникает первый вопрос: как же следует интерпретировать события в городе Ливны 11 февраля 1904 года? И второй: какую роль играла революционная деятельность в жизни и досуге российского студенчества рубежа XIX-XX веков?

Система образования Орловской губернии в рассматриваемое время включала в себя заведения начального и среднего образования. В 1900 году в губернии в системе начального образования насчитывалось 1545 начальных сельских училищ, 21 министерская школа, 609 земских школ, 280 церковно-приходских и 635 школ грамоты. В самом Орле насчитывалось 11 начальных училищ, 5 частных школ и 5 церковно-приходских школ. Несмотря на это 20 % населения губернского города оставалось неграмотным.

В Орле располагались также следующие заведения среднего образования: 2 городских училища (мужское и женское), 2 духовных училища, епархиальное женское училище, духовная семинария, мужская гимназия, реальное училище, Орловский Бахтина кадетский корпус, 2 женские гимназии (государственная и частная), Александровский институт благородных девиц. Высшее образование местным молодым людям приходилось получать за пределами губернии, в обеих столицах и крупных университетских городах.

Там они приобщались к новым для себя формам социального поведения, принятым в студенческой среде. В том числе и элементам революционной деятельности, таким как чтение нелегальной литературы, печатание и распространение листовок, чтение рефератов на нелегальных собраниях. Последние зачастую превращались в заурядные студенческие вечеринки, но с атрибутикой революционной деятельности. В своих мемуарах Б. С. Перес так характеризует обстановку, царившую на этих вечеринках: «Вечеринки эти всегда включали в свой порядок дня какой-нибудь доклад по экономическим вопросам, затем немного пива, пения и немного разговоров - общих и группами».

То есть в конце XIX - начале XX века в среде учащейся молодежи занятие революцией стало элементом досуга; в частности распространение листовок выступало как очень привлекательная для студентов форма проведения свободного времени. Этому способствовала доступность множительной технологии гектографирования и mimeографирования, требующих для печати самых примитивных приспособлений.

Приехав на каникулы в родной город, студенты Т. И. Сорокин, Ш. З. Ландау и С. Щеглов попытались вести себя в соответствии с усвоенными в больших университетских городах стереотипами поведения. Они решили отпечатать примитивным гектографическим способом и распространить по Ливнам листовки, при этом привлекли еще одного местного уроженца И. С. Булавина. Молодые люди не приняли должных мер конспирации и относились к возможным последствиям своих действий несерьезно. Это заставляет предположить, что они не принадлежали к профессиональным революционерам и правил конспирации просто не усвоили. К тому же социум больших городов (во всяком случае, та его часть, в которой постоянно жили и учились студенты) относился к революционным увлечениям молодежи вполне терпимо, а к политическим доносам – наоборот, крайне отрицательно.

Однако затея молодых людей не встретила понимания и одобрения в провинциальных Ливнах. Последовали анонимный донос и прекращение деятельности вновь созданного кружка. Власти же, разобравшись в этом деле, ограничились серьезным внушением молодым людям. В создавшейся ситуации это было самым мудрым решением: любая санкция подтолкнула бы арестованных к включению в серьезную антиправительственную деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАОО. Ф. 883, оп. 1, д. 78. Л. 230, 232.
2. Поиск. 1990. № 17. С. 42.
3. Соболева Т. А. Тайнопись в истории России (История криптографической службы России XVIII – начала XX века). М.: Международные отношения. 1994. С. 237-238.
4. ГАРФ. Ф. 102, оп. 232, 1904, д. 5. Ч. 20. Л. 16.
5. Орловский календарь. - 1903. С. 113.